

«ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ»
В НАУКЕ ПРАВА:
ИСТОРИЯ И МЕТАФИЗИКА В РАБОТАХ САВИНЬИ*

О. ЖУАНЖАН**

В 1815 г. Фридрих Карл фон Савиньи вместе с двумя коллегами из Берлинского университета учредил «Журнал исторической юриспруденции». Самого названия журнала уже достаточно, чтобы дать четкое представление о научной программе Савиньи. Это был не журнал по истории права, а журнал, посвященный *исторической науке о праве*.¹ Таким образом, основным объектом этого проекта была не история и *вовсе* не реформирование истории права. Цель проекта фактически состояла в реформировании правовой науки через *историзацию* этой науки — историзацию, оказывающую глубокое влияние на ее *методологический уровень*. Хотя интерес к истории права очевидно имеет значение для Савиньи, он, тем не менее, по сути своей вторичен и вытекает из более обширного проекта, направленного на установление философской или теоретической основы правовой науки и ее объекта.

Отсюда различие между программой Савиньи и той программой, которая появилась только в середине XVIII в., имея целью модернизацию исторической науки; ее основным исследовательским центром был Университет Гёттингена, а основным деятелем среди ученых-правоведов —

* *Jouanjan O.* A «Philological turn» in the science of Law. — Доклад на XXV Всемирном конгрессе Международной ассоциации философии права и социальной философии во Франкфурте-на-Майне (Германия).

** Оливье Жуанжан (*Olivier Jouanjan*) — профессор юриспруденции Страсбургского университета (Франция).

© O. Jouanjan, 2011

Пер. с англ. М. В. Антонова, Е. Г. Самохиной. — Сверено с первоначальным авторским текстом на французском языке «*Un "tournant philologique" dans la science du droit*». Перевод выполнен в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2011 г. и при поддержке Фонда академического развития Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ.

© М. В. Антонов, Е. Г. Самохина, 2011 (перевод)

E-mail: mantonov@hse.ru

¹ По этому вопросу см.: *Rückert J.* Geschichtlich, praktisch, deutsch. Die «Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft» (1815–1850), das «Archiv für die civilistische Praxis» (1818–1867) und die «Zeitschrift für deutsches Recht und deutsche Rechtswissenschaft» (1839–1861) // *Stolleis M.* (dir.). Juristische Zeitschriften. Die neuen Medien des 18.–20. Jahrhunderts. Frankfurt/M., 1999. S. 125 ff.

Густав Гуго (1764–1844). В своей работе *«Historik»* Дройзен (1808–1884) описывал Университет Гёттингена на рубеже веков как среду, в которой имела место «необычайная историческая активность, где Шлецер, Гаттерер, Шпиттлер, Михаэлис, Гейне, Пюттер и все остальные вплоть до Гуго — а именно теологи, философы права и теоретики публичного права, — все работали в одном направлении».² Направленность «Гёттингенской школы» выражалась в попытке «выйти за пределы историографии, которая ограничивает себя простой записью главных политических событий», постараться предложить причинно-следственные объяснения историческим данным; «это было в своей основе прагматическое, а не спекулятивное движение».³ Ориентированное на исследование причинно-следственных и, следовательно, механистических связей, это движение испытывало преимущественно влияние Просвещения.

Несмотря на то что Гуго был новатором в области истории права, он не является по этой причине основателем «исторической школы права», особенно если последнюю понимать как особое направление, которое Савиньи, а за ним Пухта привнесли в правовую мысль. Савиньи, бесспорно, признавал и ценил впечатляющую эрудицию гёттингенского профессора и уже в 1806 г. попытался привлечь его в качестве одного из сторонников новой науки, основные принципы которой тогда уже сложились и сформировались в представлениях Савиньи.⁴ Однако когда дело дошло до вопроса о значении и месте истории в юридической науке, проявились расхождения во мнениях этих двух ученых. Как справедливо указывает Иоахим Рюккерт, грань, которую хотел установить Савиньи между «историческим» и «теоретическим», казалась Гуго совершенно неясной.⁵ Непонятным и необъяснимым для него было значение наречия, которое Савиньи использовал, чтобы утвердить область своего проекта в правовой науке, которой надлежало быть «истинно», или «подлинно», исторической. Гуго оказался вдалеке от той революции мысли, которая происходила в конце XVIII — начале XIX в. и была направлена не только против идей Канта — в особенности это касается новой философии истории Гердера, — но и развивалась в рамках идущего вслед за Кантом немецкого идеализма, философии истории Гегеля и, в частности, истории субъекта Шеллинга. Эти новые подходы открывали новое онтологическое значение истории и будущего.⁶

По причинам, которые невозможно объяснить на нескольких страницах, особенно ввиду необходимости понять и истолковать смысл историзма данной исторической школы права, следует уделить особое внимание раннему немецкому романтизму, в основном выраженному в журнале

² Цит. по: *Behnen M. Statistik, Politik, und Staatengeschichte von Spittler bis Heeren // Boockmann H., Wellenreuther H. (Hg.). Geschichtswissenschaft in Göttingen. Göttingen, 1987. S. 76–77.*

³ *Vierhaus R. Göttingen und die Anfänge der modernen Geschichtswissenschaft // Boockmann H., Wellenreuther H. Geschichtswissenschaft in Göttingen. S. 11.*

⁴ См. написанную Савиньи в 1806 г. для *Allgemeine Literatur-Zeitung* рецензию на третье издание «Lehrbuch der Geschichte des Römischen Rechts» Густава Гуго.

⁵ *Rückert J. 1) Savigny et la méthode juridique // L'esprit de l'école historique du droit, Annales de la Faculté de Droit de Strasbourg. Nouvelle série. No. 7. 2004. P. 85; 2) Geschichtlich, praktisch, deutsch... // Ibid. S. 119.*

⁶ См.: *Hugo G. Rezension zu «Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft». Band 1 // Göttingische Gelehrte Anzeigen. 1816. S. 1145 usw.*

«*Athenaeum*» братьев Шлегель, а также в работе Шеллинга, который в молодости в Йене⁷ был близок к кругу первых представителей романтизма.⁸

* * *

Когда Шеллинг издал свои знаменитые «Лекции о методике академического обучения» в Йенском университете летом 1802 г., он сделал акцент на новом культе истории, который устанавливается в немецкой философии и науке: «Изучение науки и искусства в свете их исторического развития стало своего рода религией: в их истории философ узнает еще не раскрытые создания универсального духа — так сказать, величайшая наука и гениальность выражены в этом знании».⁹ Таким образом, первичной наукой в наиболее точном смысле оказывается филология: «Ее объектом является историческое формирование произведений искусства и науки, историю которого (*Geschichte*) она должна понимать и раскрывать в живой интуиции (*lebendige Anschauung*)».¹⁰ Филология в некотором смысле становится наукой всех наук, поскольку даже естественные науки находят в ней модель, свой прообраз. По крайней мере, если мы понимаем филологию в ее истинном смысле, как внутреннюю историю, достигающую живой интуиции своего объекта. Речь не идет о той форме, в которой объект рассматривался в архаичной системе знаний, применявшейся раньше в виде внешней и механической истории: «Природа — это книга, сложенная из фрагментов и речей разных времен. Каждый минерал является настоящей филологической проблемой. Геология до сих пор ждет своего Вольфа,

⁷ Ограничимся здесь указанием на то, что Савиньи после окончания своего обучения предпринял «ученическое путешествие», которое в конце 90-х годов XVIII в. привело его прямо в Йену — этот центр раннего романтизма. В то время он уже был прилежным читателем журнала «*Athenaeum*», читал Канта и Фихте, которого выгнали из Йены как раз к моменту приезда Савиньи. Савиньи познакомился с Шеллингом, уже имевшим в свои молодые годы статус профессора. Позднее он снова встретился с Шеллингом в Берлине, после того как последнего назначили в тамошний университет. В своей важной работе «*Idealismus, Jurisprudenz und Politik bei Friedrich Carl von Savigny*» (1984) Иоахим Рюккерт показал, что мысль Савиньи необъяснима без учета его идеалистических устремлений. Кроме того, Пухта — великий ученик Савиньи — также был достаточно близок к Шеллингу. Недавно защищенная диссертация хорошо показывает отношение Пухты к философии и особенно к метафизике Шеллинга (*Haferkamp H.-P. Georg Friedrich Puchta und die «Begriffsjurisprudenz»*. Frankfurt/M., 2004; см. особо S. 315 usw.). Данная диссертация положила конец легенде, порожденной в немалой степени благодаря статье Вальтера Шенфелда «*Puchta und Hegel*» (*Rechtsidee und Staatsgedanke. Festgabe für Julius Binder*. Berlin, 1930. S. 1 usw.), в которой автор представил Пухту как «гегельянца». Того, что Пухта был учеником Гегеля в нюрнбергской гимназии, недостаточно для признания Пухты «гегельянцем». Хаферкамп демонстрирует, насколько прочитанные Шеллингом в Мюнхене курсы о философии и мифологии повлияли на Пухту, который слушал их в 1828 и 1829 гг. Я позволю себе также сослаться на свое введение к «*L'esprit de l'École historique du droit*».

⁸ Речь идет о «данной» исторической школе, поскольку здесь необходимо указать, что под флагом исторической юриспруденции в XIX в. плавали самые разные корабли. В 30-х годах XIX в. новое «германистское» течение резко противопоставляет себя «романтическому» течению, основными представителями которого были Савиньи и Пухта. Несомненно, основным документом по этому спору остается направленная против Пухты работа Георга Безелера «*Volksrecht und Juristenrecht*» (Leipzig, 1843).

⁹ Schelling F. W. J. Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums // Schelling F. W. J. Sämtliche Werke. Stuttgart, 1856–1861. Abtheilung 1. Band 5. S. 226.

¹⁰ Ibid. S. 45, 246.

который разберет Землю на составляющие подобно тому, как поступил Вольф¹¹ с работами Гомера в целях исследования их структуры». ¹² Геологи будут скоро говорить об «архивах Земли» так же, как историки говорят об архивах человечества.

Подобными были и амбиции Савиньи. Объект правовой науки, над концепцией которой он размышлял с молодости, четко соответствовал объекту филологической правовой науки в понимании Шеллинга. Речь шла об историческом конструировании права и правовой науки, историю которых необходимо понимать и раскрывать в форме *живой интуиции*.¹³ Историзация правового мышления, которой Савиньи при этом стремился добиться, была не чем иным, как попыткой возвышения устаревшей юриспруденции до уровня истинной правовой науки. Прослеживается поразительная параллель: так же как Вольф, следуя идеям своего учителя Гейне, применил выражение «наука древности» (*Altertumswissenschaft*) для того, чтобы обозначить обновленную филологию, так и Савиньи применил термин «правовая наука» (*Rechtswissenschaft*), чтобы обозначить юриспруденцию, обновленную усилиями исторической школы.¹⁴

Проект *Altertumswissenschaft* можно охарактеризовать, если согласиться с Вольфом, как «сомнение в архаичных гуманитарных знаниях, остановившихся на простой критике текста и языка, как трансформацию филологии из простого изучения языка в науку, которая мыслит целое и все

---

¹¹ Речь идет о Фридрихе Августе Вольфе (1759–1824), важнейшем немецком филологе той эпохи, основным трудом которого было исследование ссылок на Гомера — «*Prolegomena ad Homerum*» (1795), где автор показывал, что гомеровские тексты не являются творчеством слепца, вдохновленного богами, но результатом влияний различных факторов и, стало быть, результатом исторического процесса. Савиньи знал эту работу и в письме своему другу Фридриху Кройцеру (письмо от 14 июля 1807 г., опубликованное в: *Stoll, Friedrich Karl v. Savigny. Ein Bild seines Lebens mit einer Sammlung seiner Briefe*. Т. 1. Berlin, 1927. S. 304) выразил мнение о том, что Гердер предвосхитил некоторые идеи Вольфа о Гомере. Савиньи также с большим интересом (письмо Ф. Кройцеру от 29 января 1808 г. // *Ibid.* P. 313) прочитал фундаментальную статью касательно концепции и методологических оснований того, что Вольф называл «наукой древности» (*Wolf F. A. Darstellung der Altertumswissenschaft nach Begriff, Umfang, Zweck und Werth* // *Wolf F. A., Buttman P. C. Museum der Altertumswissenschaft*. Т. 1. Berlin, 1807). В конечном итоге Савиньи стал коллегой Вольфа по Берлинскому университету, где оба числились с момента его основания в 1810 г.

¹² *Schelling F. W. J. Sämtliche Werke. Abtheilung 1. Band 5. S. 46, 247.*

¹³ Два слова — интуиция (*Anschauung*) и живая (*lebendig*) — составляют, таким образом, часть используемой Савиньи терминологии. О роли интуиции в ракурсе мысли Савиньи см.: *Nörr D. Savignysanschauung und Kants Urteilskraft* // *Horn N. (dir.). Europäisches Rechtsdenken in Geschichte und Gegenwart. Festschrift für Helmut Coing zum 70. Geburtstag*. Т. 1. München, 1982. S. 615 usw. — В вышедших из-под пера Савиньи работах часто встречается именно это выражение — «живая интуиция» (*lebendige Anschauung*) и производные от него (*lebendigste Anschauung, Anschaulichkeit und Lebendigkeit...*).

¹⁴ Несомненно, будет справедливым сказать, как это делал Поль Кошакер, что выражение «правовая наука» было «изобретением немецкой исторической школы права» (*Koschaker P. Europa und das römische Recht*. München; Berlin, 1958. S. 210). Действительно, начиная со второй половины XVIII в. можно найти немало случаев параллельного употребления терминов «*iurisscientia*» или «*Rechtswissenschaft*». Но представляется бесспорным, по крайней мере, то, что Савиньи ввел данное выражение в обиходный язык немецких юристов, которые на протяжении всего XIX в. были заняты поисками условий «поистине научного подхода к праву». — См. особо: *Schröder J. Wissenschaftstheorie und Lehre der «praktischen Jurisprudenz» auf deutschen Universitäten an der Wende zum 19. Jahrhundert*. Frankfurt/M., 1979.

его связи, не погружаясь в различные детали». В этом аспекте цель науки заключается в «понимании Античности как живой целостности, как цельной жизни (*Gesamtleben*), как организма, который развивается в соответствии со своими собственными законами, чей дух нужно постичь; как некоей величины, что может быть достигнута посредством всеобъемлющего подхода, направленного на согласование с объектом исследований», который, в свою очередь, должен будет пройти через «представление о языке как об историческом феномене».¹⁵ Здесь невозможно не обратить внимание на сходство между этим проектом и проектом исторической науки права по Савиньи. Знание в рамках последней достигается через обновление правовой герменевтики не без определенного сближения с произошедшим в то время основанием общей теории герменевтики теологом Фридрихом Шлейермахером.¹⁶ Несмотря на критику отдельных его аспектов,¹⁷ подход Вольфа и его сочинение под названием «*Prolegomena*» были одобрены Гёте, Вильгельмом фон Гумбольдтом и даже братьями Шлегелями, относившимися к наиболее значительным интеллектуалам того времени.¹⁸ Именно они были источниками интеллектуального формирования молодого Савиньи.¹⁹

Нетрудно увидеть, в какой мере проект Савиньи соотносится с тем, что Эрнст Белер рассматривает как поворот в эстетическом мышлении Фридриха Шлегеля — с направленностью на создание теории поэзии, основанной на истории поэзии, несбалансированной из-за искажения привычным взглядом на древнегреческую литературу.²⁰ Точно так же в работе Савиньи цель состояла в создании правовой теории на базе ее истории;

¹⁵ Quillien J. G. de. Humboldt et la Grèce. Modèle et histoire. Lille, 1983. P. 17.

¹⁶ По вопросу этих связей см.: Rückert J. Savignys Hermeneutik — Kernstück einer Jurisprudenz ohne Pathologie // Schröder J. (dir.). Theorie der Interpretation vom Humanismus bis zur Romantik — Rechtswissenschaft, Philosophie, Theologie. Stuttgart, 2001. — Так же как Вольф и Савиньи, Шлейермахер принадлежит к первой группе профессоров Берлинского университета, собранных там Гумбольдтом.

¹⁷ См. выступление Шлейермахера «О понятии герменевтики в отношении к указаниям Ф. А. Вольфа и к учебнику Аста», состоявшееся 12 августа 1829 г. перед Берлинской академией наук. Шлейермахер студентом слушал лекции Вольфа в Галле (*Behler E. Le premier romantisme allemand. Paris, 1996. P. 228*).

¹⁸ GUSDORF G. Les origines de l'herméneutique. Paris, 1988. P. 107. — Вольф был близким другом Гёте. Эккерман рассказывает о вечере, который был организован Гёте в честь Вольфа 19 апреля 1824 г., когда Вольф был в пути на юг Франции, где ему и суждено было умереть в августе того же года (*Conversations de Goethe avec Eckermann. Paris, 1988. P. 114* (Эккерман И.-П. Разговоры с Гете. М., 1981. С. 124. — Здесь и далее ссылки на русские издания добавлены мною. — Прим. пер.)). — Об отношениях между Гумбольдтом и Вольфом см.: Quillien J. G. de. Humboldt et la Grèce. Modèle et histoire. P. 15 sq. — Стоит отметить особенно дружеский текст писем Гумбольдта Вольфу (*Humboldt W. v. Briefe. München, 1952. P. 73, 81, 89*) в 1793 и 1794 гг. и еще раньше, при подготовительной работе о основании Берлинского университета (*Ibid. P. 304, 305, 309, 310*). Ф. Шлегель представил Вольфу рукопись своей работы «*Histoire de la poésie des Grecs et des Romains*» (*Behler E. Le premier romantisme allemand. S. 81*) и написал в 1796 г. эссе под названием «О гомерической поэзии — в связи с исследованиями Вольфа». Восторженные отзывы о Вольфе можно найти в тексте Шлегеля «*L'essence de la critique*» (цит. по: Lacoue-Labarthe P., Nancy J.-L. L'absolu littéraire, Paris; Seuil, 1978. P. 415).

¹⁹ Многочисленные ссылки см. в: Rückert J. Idealismus, Jurisprudenz und Politik bei Friedrich Carl von Savigny. Ebelsbach, 1984. — См. также работу, посвященную годам философских исканий Савиньи: Nörr D. Savignys philosophische Lehrjahre. Ein Versuch. Frankfurt/M., 1994.

²⁰ Behler E. Le premier romantisme allemand. S. 80.

истории, которая была несбалансированна по причине особого значения, которое в то время имела парадигма римского права.

Поскольку право является историей, правовая наука должна быть исторической. История права вследствие этого должна восприниматься не как вспомогательная наука (*Hilfswissenschaft*), внешняя и обособленная от истинной правовой науки, а как дисциплина, которая формирует саму правовую науку. Уже в 1802 г. Савиньи четко заявил об этом в своем курсе по методологии в Марбурге: «Юриспруденция является исторической наукой».²¹ Она также и в той же мере является «философской наукой» — эти два аспекта неизбежно соединяются, и правовая наука «усовершенствуется» или «завершается» (*vollendet*) через эту связь. Это было, как Савиньи сказал в том же 1802 г., «новое видение науки», которое должно подвергаться «правильной научной обработке, трактовке». Желая приобщить великого Гуго к этому «новому видению», он верил, что обнаружил (или надеялся, что обнаружил) путем эмфатической интерпретации (*empfindendes Verstehen*) руководящие принципы своей собственной концепции в основе трактата Гуго, когда рецензировал этот трактат в 1806 г.: «В основе этой книги можно найти главную идею, согласно которой вся правовая наука сама по себе является не чем иным, как историей права, поэтому обособленное изучение истории права не может быть заменено никаким другим исследованием науки права, за исключением изучения незначительных различий, подобных различиям в распределении света и тени».²² Это новое видение науки права обязательно должно преодолеть новый подход к истории права, которая не должна быть «внешней», но должна «осмыслить всю внутреннюю историю права».²³ Заметки одного из студентов Савиньи, Якоба Гримма, подтверждают эту позицию: «Обычное представление об истории права слишком ограничено — оно предлагает лишь внешнюю историю вместо внутренней, в рамках этого представления система должна рассматриваться как пребывающая в постоянном развитии».²⁴

* * *

Этот филологический поворот в немецкой философии, направленный на обновление всех областей знания, в творчестве Савиньи лежал в основании историзации правовой науки. Основным условием историзации было новое видение истории как *внутренней*, т. е. как истории, считающейся уже не «набором примеров из области морали и политики»,²⁵ а стихийным развитием «сознания», или «духа», который можно постичь интуитивно, посредством «живой интуиции». Таким образом, это стремление достичь духа прошлого принимает участие в формировании или устройении (*Bildung*) духа самого субъекта познания.²⁶ С другой стороны,

²¹ Savigny F. C. Vorlesungen über juristische Methodologie 1802–1842. Frankfurt/M., 1993. S. 87.

²² Savigny F. C. Vermischte Schriften. T. 5. Berlin, 1850. S. 2.

²³ Ibid. S. 5.

²⁴ См. изданную по конспектам Якоба Гримма работу Савиньи: Savigny F. C. Juristische Methodenlehre. Stuttgart, 1951. S. 17.

²⁵ Savigny F. C. Über den Zweck dieser Zeitschrift // Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft. No. 1. 1815. S. 3.

²⁶ Савиньи вполне мог сказать вместе с Фр. Шлегелем, что история «в силу того, что она не ограничивает себя номенклатурой имен, дат и необычных фактов, в силу того, что она может объять и описать дух великих эпох, великих людей и событий, является

упомянутый филологический поворот способствовал возникновению «модели нового способа отношения между современным и античным». Для филологов Гейне, Вольфа и Гумбольдта «речь уже шла не об изучении греков для того, чтобы переложить их идеи на современный лад, а о том, чтобы понять греков в рамках их собственного времени как завершенную целостность».²⁷ Точно так же в работе Савиньи цель заключалась уже не в чисто подражательном отношении к римской древности или в утверждении римского права как образцовой модели, как великого «набора примеров из области морали и политики», который следует полностью воспроизвести или имитировать. Имитация в формальном смысле просто предполагала бы *внешнюю связь* между имитирующим и имитируемым. Парадигма внутренней истории стремится сконструировать некое органическое сообщество людей, расположенное между целостностью прошлой эпохи того или иного народа и целостностью современной эпохи этого народа, который продолжает работу своего духа,²⁸ осуществляет *свободную имитацию* не внешних форм, а способа духовной деятельности. Соответственно, необходимо принять во внимание полноту той или иной эпохи как завершенного целого, так же как и ее связь с другими эпохами, которая подразумевает, что эпоха не имеет в себе самой источника своей полноты. Именно это выразил Савиньи в своей знаменитой фразе: «Тот, кто может рассматриваться как индивид, с другой точки зрения является также частью/членом более высокого Целого».²⁹ На основании этого Савиньи может предположить, что рассмотрение античной формы права как, в сущности, первичной по отношению к современному праву таким образом, который позволяет ей легитимно доминировать над настоящим и будущим, «не понимает и полностью искажает историческое видение

истинной философией, понятной всем и богатейшей поучениями любого рода», и тем самым выступает как лучшее средство для «возвышения и облагораживания... внутреннего человека» (*Schlegel F. Tableau de l'histoire moderne. Tome 1. Paris; Genève, 1831. P. 1–3*).

²⁷ Все цитаты взяты из вышеуказанной работы Кильяна: *Quillien J. G. de Humboldt et la Grèce. Modèle et histoire. P. 17*.

²⁸ Очевидно, что немецкий народ XIX в. не был биологическим или естественным наследником римского народа и тем более его юридического духа. Необходимо подчеркнуть, что если историческая школа Савиньи и Пухты была спиритуализирована с головы до ног, то иначе дело обстояло с «германистской» школой, очень далекой от биологического органицизма, который мог бы вдохновить к созданию расистской теории права. Именно по этой причине Савиньи всегда был объектом двусмысленных и невнятных ссылок со стороны нацистских «теоретиков» права. И если кто-то в 1933 г. верил в то, что «мечта Савиньи становится реальностью» (*Wolff H. J. Die neue Regierungsdienstform des Deutschen Reiches. Tübingen, 1933. S. 9*), то такие авторы подвергались яростным критическим атакам других более радикальных авторов, которые видели в Савиньи лишь пример либеральной мысли (*Höhn R. Rechtsgemeinschaft und Volksgemeinschaft. Hamburg, 1935. S. 50* usw.). В одновременно акробатической и патетической манере Карл Ларенц испробовал новый способ подправить содержание этого учения: «Кровь должна стать духом, а дух — кровью. Это возможно, только если кровь является духом». Здесь он уточняет, как будто собрав воедино остатки своей интеллектуальной честности, что речь идет о «пересмотре» концепции исторической школы права (*Volkgeist und Recht. Zur Revision der Rechtsanschauung der historischen Schule // Zeitschrift für Deutsche Kulturphilosophie. Band I. 1935. S. 42*). — О Ларенце см.: *Jouanjan O. Communauté, race et «rénovation allemande du droit»: Karl Larenz, ou les errements de l'hégélianisme juridique sous le Troisième Reich // Colliot-Thélène C., Kervégan J.-F. (dir.). De la société à la sociologie. Lyon, 2002. P. 183 sq.*

²⁹ *Savigny F. C. Über den Zweck dieser Zeitschrift. S. 33.*

правовой науки». «Напротив, суть этого видения состоит именно в равном признании ценности и независимости каждой эпохи и подчеркивает, что должна быть признана и живая связь, соединяющая настоящее и прошлое; без ее знания мы можем постичь только внешнее проявление, а не внутреннюю сущность современного права». ³⁰ Рассматривая эти периоды как относительно автономные, можно констатировать, что в то же время они тесно связаны друг с другом; они существуют как в состоянии свободы, так и в состоянии зависимости и необходимости: «Таким образом, каждая эпоха должна признавать существование чего-то, что одновременно является и необходимым, и свободным». ³¹ Следовательно, настоящее время не находится в простом состоянии зависимости, которое конституирует формально подражательное отношение, воспроизводящее зависимость от имитируемой модели.

Эрнст Белер ³² продемонстрировал значение достаточно запоздалого (только ко второй половине XVIII в., преимущественно через Гердера) переноса в Германию «спора древних и новых» для исторического сознания раннего романтизма. Тогда представители романтизма выступили против «релятивистской концепции» Гердера, который рассматривал историю в качестве непрерывного движения следующих друг за другом фактов человеческой деятельности. Такой подход в силу линейной исторической логики Гердера ведет его к заключению, что он, очевидно, «ближе к Шекспиру, чем к грекам». ³³ Историческое сознание представителей романтизма не связано с простым линейным *континуумом*, прогрессивным или регрессивным, который все глубже разделяет действительность и ее источник. «Проблемой нашей литературы, — писал Фридрих Шлегель своему брату в 1794 г., — мне кажется примирение того, что по сути современно, с тем, что по сути древне». ³⁴ Не может быть истинного совершенства в искусстве, писал об этом Белер, вне рамок «живой связи с античностью» ³⁵ — *живой связи*, т. е. связи, являющейся духовной и, следовательно, свободной. ³⁶

Сходство, очевидно, невозможно отрицать. История права для Савиньи — это не история упадка, отдаления; это история постоянного усовершенствования, которое может быть достигнуто только через обращение к римским источникам и к их развитию в попытке возрождения *духа*. Так же и для Фридриха Шлегеля имитация древности должна состоять не в воспроизводстве внешних форм, но (и это высшая цель) в действии, направленном на возрождение *духа*, ³⁷ — другими словами, *внутренней* формы. Проведенное Савиньи осовременивание римского права основано не на простом внешнем описании правил и решений, а на схватывании *духа* классических римских юристов, т. е. одновременно на проникновении в их абстрактное мышление (что достигается через систематизацию понятий) и на возрождении их метода, их подхода к правовым понятиям.

³⁰ Все цитаты приводятся по: *Savigny F. C. System des heutigen Römischen Rechts*. T. 1. Berlin, 1840. S. XIV–XV (*Савиньи Ф. К. Система современного римского права*. В 8 т. Т. 1. М., 2011).

³¹ *Savigny F. C. Über den Zweck dieser Zeitschrift*. S. 3.

³² *Behler E. Le premier romantisme allemand*. S. 23 usw.

³³ *Ibid.* S. 27. — Цитата взята из эссе Гердера под названием «Шекспир», появившегося в 1772 г.

³⁴ *Ibid.* S. 29.

³⁵ *Ibid.*

³⁶ «Свобода по отношению к древности», — говорит Фр. Шлегель (*Ibid.* S. 106).

³⁷ *Ibid.*

* * *

Только на основе этого краеугольного тезиса мы можем понять первостепенное значение для Савиньи близкой связи между историей и системой. Систематизация является именно операцией актуализации, возрождения духа исторического права. Снова мы наблюдаем очевидную параллель с проектом «исторической системы» Фр. Шлегеля, основанным на абсолютной корреляции между исторической и системной составляющими.³⁸ «История, — писал Фр. Шлегель, — это философия создания, а философия — это свершенная история».³⁹ Мы должны учитывать, что философия является не свершенной историей, а совершением или завершением истории; это только *момент* этой истории. Кроме того, философия может принимать систематическую форму, внешнюю или внутреннюю. Именно эта корреляция позволяет Савиньи провести связь между исторической наукой и философией права, связь, на которой он настаивал, как мы видели, с 1802 г.

Возможность существования внутренней истории права, которая могла бы быть связана с философией права, предполагает, что мы отказываемся от кантовской позиции, рассматривающей историю как *cognitio ex datis* (лат. познание на основе данных), полностью отделенное от истинных наук. Последние, будучи *cognitio ex principias* (лат. познание на основе принципов), являются систематизируемыми, другими словами, подлежат объединению под общей идеей.⁴⁰ Как раз на этой данной Кантом характеристике, которая отказывается рассматривать историю в качестве истинной науки, настаивал Тибо (1772–1840), главный противник Савиньи по вопросу кодификации, в своей работе «*Encyclopädie*»: «История сама по себе не является наукой, поскольку в ее рамках невозможно существование систематического порядка».⁴¹ На основе похожей позиции кантианец Ансельм Фейербах отвергал притязания исторической школы права.⁴²

Иоахим Рюккерт справедливо настаивал на том факте, что понятие истории по Савиньи было понятием, проистекающим из «послекантовского немецкого идеализма».⁴³ *Внутренняя* история, к которой стремится Савиньи, предполагает понятие истории, восходящее не только к Гердеру, но и к первым представителям романтизма и Шеллингу, чье мышление было, по словам Хабермаса, «более историческим, чем у всех его современников», среди которых можно назвать Гегеля.⁴⁴

³⁸ Ibid. S. 95.

³⁹ *Athenaeum*. Fragment 325 // Lacoue-Labarthe P., Nancy J.-L. L'absolu littéraire. P. 147.

⁴⁰ *Kant I. Critique de la raison pure. Architectonique de la raison pure*. Paris, 1997. P. 674 sq. (*Кант И. Критика чистого разума* // Кант И. Соч. В 6 т. Т. 3. М., 1964).

⁴¹ *Thibaud A. F. Juristische Encyclopädie und Methodologie zum eignen Studio für Anfänger und zum Gebrauch akademischer Vorlesungen*. Altona, 1797. S. 1.

⁴² *Feuerbach A. Einige Worte über historische Rechtsgelehrsamkeit und einheimische deutsche Gesetzgebung* (1816) // Hattenhauer H. (éd.). Thibaut und Savigny. München, 1973. S. 221 usw.

⁴³ *Rückert J. Juristische Methode und Zivilrecht beim Klassiker Savigny (1779–1861)* // Rückert J. (dir.). Fälle und Fallen in der neueren Methodik des Zivilrechts seit Savigny. Baden-Baden, 1997. S. 39.

⁴⁴ *Habermas J. Das Absolute und die Geschichte* (1954) (цит. по: David P. Schelling. De l'absolu à l'histoire. Paris, 1998. P. 5).

В связи с этим мы должны снова вспомнить фразу первостепенной важности, содержащуюся во ввводной статье из «Журнала исторической юриспруденции» 1815 г.: «Каждая эпоха должна признавать что-то данное, являющееся, однако, одновременно необходимым и свободным». ⁴⁵ Трудно не заметить в этой характерной фигуре единства необходимости и свободы намек на идеалистическое понятие истории в том виде, в котором оно было разработано у Шеллинга. Более того, тут мы находим истинное обоснование *внутренней* истории права по Савиньи: необходимость не является внешним и казуальным историческим фактором, она также представляет собой условие истинной и действительной свободы индивидов. История — это не выставка моральных поступков, а воссоздание внутреннего развития, одновременно являющегося необходимым и свободным.

Согласно концепции Шеллинга, здесь наступает момент, когда «необходимость и свобода должны быть объединены», когда «необходимость и свобода взаимно проникают друг в друга, образуя единое и уникальное сущностное бытие/сущность (*Wesen*)». ⁴⁶ Уже в работе «Система трансцендентального идеализма» 1800 г. Шеллинг заявляет, что «основная характеристика истории» заключается в том, что она «представляет свободу и необходимость как единство» и «становится возможной только через это единство». ⁴⁷

За видимой парадоксальностью этих формул нельзя не распознать представления о том, что если бы история была не чем иным, как царством необузданной свободы, или «произвола» в терминологии Савиньи, то повсюду царили бы хаос и разруха. Им не только нельзя было бы задать какого-то конкретного направления, но и нельзя было бы даже дать четкой оценки. Напротив, если бы история была царством полной необходимости, она бы состояла из монотонного однообразного воспроизводства тождества и была полной противоположностью истории, какой мы ее знаем. Таким образом, можно сформулировать следующую гипотезу: моментом единства необходимого и свободного является момент человеческого действия, истинный момент «субъекта». Потому вслед за Фихте, для которого «Я» представляет собой действие в чистом виде, абсолютную деятельность, ⁴⁸ Шеллинг писал: «Сущность человека заключается в действии». ⁴⁹ Выступая в качестве сознания, человеческое существо есть действие, а потому «любая мысль есть действие». ⁵⁰ Но каждая мысль сопровождается неким «Я мыслю», которое предусматривает наличие отношения к самому себе, которое первичнее, чем любая мысль. Ибо самое

⁴⁵ Savigny F. C. Über den Zweck dieser Zeitschrift. S. 3.

⁴⁶ Schelling F. W. J. Philosophische Untersuchungen über das Wesen der menschlichen Freiheit und die damit zusammenhängenden Gegenstände (1809) // Schelling F. W. J. Sämtliche Werke. Abteilung 1. Band 7. S. 385 (Шеллинг Ф. В. И. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах (Предуведомление) // Шеллинг Ф. Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1987).

⁴⁷ Schelling F. W. J. System des transcendentalen Idealismus // Schelling F. W. J. Sämtliche Werke. Abteilung 1. Band 3. S. 593 (Шеллинг Ф. В. И. Система трансцендентального идеализма // Шеллинг Ф. Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1987).

⁴⁸ Мы заимствуем этот термин у Вете: Vetö M. Fichte. De l'action à l'image. Paris, 2001. P. 30.

⁴⁹ Schelling F. W. J. Einleitung zu Ideen zu einer Philosophie der Natur (1797) // Schelling F. W. J. Sämtliche Werke. Abteilung 1. Band 2. S. 13 (Шеллинг Ф. В. И. Введение к наброску системы натурфилософии // Шеллинг Ф. Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1987).

⁵⁰ Schelling F. W. J. System der transcendentalen Idealismus // Schelling F. W. J. Sämtliche Werke. Abteilung 1. Band 3. S. 365.

первичное действие — это самосознание, т. е. действие, посредством которого субъект полагает себя самому себе как объект: «То, что субъект и объект мысли едины в самосознании, может быть понято каждым в самом акте самосознания». ⁵¹ Именно здесь находится «точка, где субъект и объект создают непосредственное единство». ⁵² Такое тождество субъекта и объекта в акте самосознания является основанием человеческого Я. ⁵³ Отсюда следует, что «Я как таковое может быть безграничным, только если оно ограничено, и наоборот, Я как таковое может быть ограниченным, только если оно не имеет границ». ⁵⁴ Именно в связи с этим парадоксом Я рассматривается как процесс. ⁵⁵ Этот парадокс немислим, если полагать Я как субъект-субстанцию, всегда тождественную самой себе. Тождество субъективного и объективного мыслимо, только если отправляться от Я, понимаемого как деятельность. А это предполагает одновременно и субъективное утверждение того, что должно быть, и объективное отрицание того, что не должно быть. «Я», таким образом, должно рассматриваться как процесс становления.

Этот небольшой экскурс в метафизику сознания необходим, поскольку позволяет понять, как в послекантовской философии углубление в тематику самосознания приводит к проблематике становления, времени и истории, находя свое подлинное основание в идеализме Шеллинга. Отсюда понятно, почему Шеллинг утверждает (если воспользоваться данной им четкой формулировкой из «Частных стuttgartских уроков»): «Действительно, любая вещь... имеет в себе свое собственное время. Не существует внешнего, универсального времени — все время субъективно, т. е. является внутренним временем, которое каждая вещь несет в себе и никогда вне себя». ⁵⁶

Здесь мы защищаем тезис о том, что история права по Савиньи есть внутренняя история, мыслимая только в ракурсе субъективной концепции времени. Эта концепция времени была развита в немецком идеализме на основе тематики самосознания.

И только при соотношении самосознания и субъективной концепции времени и становления возможно понять образ права таким, как его конструировал Савиньи. Тем самым проясняется истинный смысл знаменитой фразы: «Подлинным местом права является общее сознание народа». ⁵⁷

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid. S. 364.

⁵³ «Концепция Я приходит вместе с актом самопознания, и поэтому за пределами данного акта Я есть ничто» (Ibid. S. 366).

⁵⁴ Ibid. S. 382.

⁵⁵ Ibid. S. 383.

⁵⁶ Schelling F. W. J. Stuttgarter Privatvorlesungen // Schelling F. W. J. Sämtliche Werke. Abteilung 1. Band 7. S. 431 (Шеллинг Ф. Штуттгартские частные лекции // Философия религии: Альманах 2008–2009 / отв. ред. В. К. Шохин. М., 2010).

⁵⁷ Savigny F. C. Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814. S. 11 (Савиньи Ф. К. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // Савиньи Ф. К. Система современного римского права. Т. 1. М., 2011). — «Местом создания права является все это естественное Целое, поскольку именно в общем народном духе, формирующем индивидов, находится та сила, которая может удовлетворить обозначенным выше потребностям» (Savigny F. C. System des heutigen Römischen Rechts. T. 1. S. 19). «Как и язык, право живет в сознании народа» (Ibid. S. 9). «Именно в общем сознании народа живет позитивное право, которое поэтому мы должны обозначить как народное право» (Ibid. S. 14). «Основание любого позитивного права обнаруживает свое существование и действительность в общем сознании народа» (Ibid. S. 35).

Народ есть «персональный, действующий субъект».⁵⁸ Если обозначенные выше метафизические посылки верны, то получается, что право как субъективное явление есть по сути своей история, т. е. выражение действующего субъекта. Сознание же есть знание истории сознания, и оно направлено на внутреннюю историю, о которой говорит Савиньи. Поэтому для того, чтобы понять проект Савиньи исходя из его философских оснований, достаточно рассмотреть понятие «сознания», в котором коренится концепция «права» со всей своей метафизической составляющей, которую праву тогда приписывали сторонники идеализма, особенно шеллингианства.

* * *

Кратко подводя итоги, можно сделать три вывода из подобного конструирования права как истории на основе метафизики субъекта.

Во-первых, то, что называют «источниками права» и что перечисляет Савиньи — обычай, законодательство и наука права — необходимо отделять от места происхождения, истока (*Entstehungsgrund*), т. е. от народного сознания. Эти «источники» поэтому представляют собой разные направления одного и того же изначального потока, являются способами откровения уже существующего права, процесс созревания которого постоянен, но скрыт.⁵⁹ Это то невидимое, но реальное право, которое Савиньи называет «позитивным» правом. Но народ как непосредственный носитель обычая, законодателя и юристы как «представители» народа⁶⁰ не являются внешними инстанциями по отношению к тому сознанию, что они выражают. В действительности они являются самой деятельностью. Тем самым действие данных «источников» конституирует действие самосознания народного субъекта. Народная деятельность есть процесс откровения субъекта самому себе.

Далее, если правоведение — это один из органов самосознания некоего народа, и если такое сознание создает право этого народа, то правовая наука работает не только над созданием права, которое является внешним по отношению к ней и которое предстает как отделенный от такой науки объект. Она работает над осуществлением самого права. Правовая наука по Савиньи не является поэтому «позитивистской» в современном смысле слова, если брать научный позитивизм как постулирующий строгое разделение между субъектом и объектом познания. Правоведение в своей развитой форме является одним из двигателей (по своему призванию — основным двигателем) реальной истории права, т. е. является самим правом. Осуществление права происходит одновременно и через этот туманный процесс созревания права, и через деятельность по открытию права, а сама по себе наука о праве является способом производства права. И даже наиболее значимой формой, поскольку она открывает право для сознания наиболее полно и ясно, схватывая в его органическом бытии в качестве системы.⁶¹ По этой причине и на основании ее собственных

⁵⁸ Savigny F. C. System des heutigen Römischen Rechts. T. 1. S. 18.

⁵⁹ Пухта, используя впечатляющий образ, будет позднее говорить о некоей «темной мастерской», где создает себя право, т. е. о народном сознании. — См. «Энциклопедию», являющуюся введением к первому тому «Курса институций» Пухты.

⁶⁰ Savigny F. C. Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. S. 12.

⁶¹ Отсюда понятна борьба Савиньи против кодификации гражданского права: это борьба за сохранение данной особой, выдающейся роли права среди других неполных и более слабых способов откровения права.

принципов оказывается возможным ввести правовую науку в число источников права.

В конечном итоге, становится ясна важность в концепции Савиньи методологического вопроса, значение которого выходит далеко за рамки применения отдельных правил к конкретным случаям.⁶² Такое применение необходимо рассматривать как *рефлексию* по поводу юридического действия, которая делает возможной глубинную общность духовных существ, выходящую за пределы внешних литературных аналогий. Отсюда вытекает более точное определение отношения юриста исторической школы к римскому праву: «Если главным злом, воздействующим на состояние нашего права, является все углубляющееся разделение между теорией и практикой, то нет более насущной задачи, чем восстановление естественного единства теории и практики. Именно для этой цели римское право, если мы научимся правильно его использовать, может дать очень многое. У римских юристов такое единство теории и практики кажется еще нетронутым и обнаруживает свое действие достаточно ярко».⁶³ Как раз это «естественное единство», характеризующее способ действия римских юристов, полностью соответствует той «высоте исторического периода, когда искусство формируется естественным способом», о которой намеками говорит Шлегель, упоминая высоты античного искусства.⁶⁴ Внимание юриста исторической школы должно быть ориентировано именно на нахождение, т. е. на понимание естественного юридического искусства римлян — юрист не должен ограничиваться изложением и сравнением «практических правил»: «Фактически, вопрос лежит гораздо глубже... поскольку если знание римского права должно вести нас к поставленной здесь цели, то для этого нет иного пути — мы должны находить себя в чтении и в обдумывании сочинений древних юристов».⁶⁵ В этой фразе, произнесенной еще в 1840 г., наиболее отчетливо концентрируются две принципиальные темы теории Савиньи, равно как и идеи представителей раннего романтизма.

Здесь путем филигранного анализа мы можем обнаружить фигуру *погруженного в свои мысли мыслителя*, который думает сам, но вместе с Другим (*hineindenken*); точнее говоря, это «единственный путь», который позволяет мыслителю избежать опасности стать жертвой собственного произвола через отрицание вышеназванного разделения. Этот путь лежит через мысленное общение, и именно здесь находится точка единения необходимости и свободы. Данная тема развивается на протяжении всего предисловия к «Системе современного римского права», которое открывается хвалебным словом в честь интеллектуальной свободы юриста и отказом от подчинения интеллектуальным авторитетам. Мыслить вместе или через Другого означает не подчиниться или поставить себя ниже Другого, а возвыситься до уровня Другого, с которого только и возможно критическое мышление.⁶⁶ Свобода мысли, тем самым поставленная в обязательную связь по отношению к Другому, не является чисто произвольным действием. Расширенный таким образом герменевтический анализ

⁶² См. особо: Rückert J. Savigny et la méthode juridique.

⁶³ Savigny F. C. System des heutigen Römischen Rechts. T. 1. Vorrede. S. XXV.

⁶⁴ Цит. по: Behler E. Le premier romantisme allemand. S. 29.

⁶⁵ Savigny F. C. System des heutigen Römischen Rechts. T. 1. Vorrede. S. XIX–XXVII.

⁶⁶ Этим объясняются и постоянные обращения на первых страницах Предисловия к тому факту, что историческая школа юристов не может иметь своей целью подчинение действующего права праву римскому, существовавшему в античности (Ibid. S. XIV usw.).

становится примером усилия, предпринимаемого с целью достичь той точки, где свобода соединяется с необходимостью.

В дальнейших строках можно увидеть настойчивое указание на *рефлексию*, которая характеризуется использованием возвратного местоимения «*uns*» — мы мыслим себя и мы читаем себя в классической литературе. Тот, кто мыслит себя через саморефлексию в Другом, является одновременно объектом рефлексивной критики. Отсюда следует, что задача историка права состоит не в работе по сравнительному анализу внешних событий прошедшего времени. Историк права, относящийся к исторической школе, должен, по мнению Савиньи, беспрестанно заниматься *актуализацией* римского права — а это не обязательно осуществляется через рефлексивную критику. Сущность исторического метода Савиньи как раз и составляют критика и рефлексия. Именно с помощью этого метода юрист выполняет свою основную миссию: «Наиболее осмысленное действие любой эпохи должно иметь своей целью расшифровку, обновление данной конкретной правовой материи через привнесение в нее необходимости, проходящей через личность исследователя». ⁶⁷ Обращенный к прошлому, юрист исторической школы способен выполнить такую задачу. Но в качестве *обновителя* права он не может сам противиться своей ориентированной на прошлое установке чистого созерцания. Юрист действует в праве и через право. Само по себе его действие не привязано к какому-то единственному моменту в настоящем, но такое историческое действие выводит к будущему и рассказывает юристу о нем. «Историк, — как говорится в еще одном фрагменте “*Athenaeum*”, — является пророком, обращенным к прошлому». ⁶⁸ В связи с этим становится совершенно ясно, что теория и созерцание не оторваны от практики, от действия. Настойчивое указание Савиньи на это единство теории и практики глубоко связано — по крайней мере, в этом заключается основной тезис настоящей работы — с его концепцией истории.

* * *

Историческая необходимость действует в субъекте как своеобразный субъект сама по себе. История права есть история правосознания, а право по своей сути есть не что иное, как правосознание, развивающееся в истории и в качестве истории. Отсюда следует, что задача юриста прежде всего состоит в освоении этого сознания. И эта задача не может быть иной, чем усилие сознания, усилие, через которое народное правосознание становится собственным ясным сознанием юриста. Поэтому понятно, что, читая древних юристов, правовед современности должен находить себя в таком чтении — читая, он приходит к отождествлению через «мы». Такой правовед переносит историческое правосознание в действительное сознание, он пред-осуществляет такое сознание. Этот *метод* в работах Савиньи получает намного большее значение, чем обычно; для него *метод* — это больше, чем набор правил, направленных на определение нашего понимания, скорее это личное упражнение, направленное на развитие нашего сознания. Здесь мы встречаемся с «Введением в личное изучение права как научной дисциплины» ⁶⁹ (*Anleitung zu einem eigenen Studium der*

⁶⁷ Savigny F. C. Über den Zweck dieser Zeitschrift. S. 264.

⁶⁸ Lacoue-Labarthe P., Nancy J.-L. L'absolu littéraire. P. 107.

⁶⁹ Schelling F. W. J. Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums. S. 14–19.

Jurisprudenz), с формированием⁷⁰ того духа, который может быть воспитан не иначе как через рефлективное изучение древних учителей.

«Исторический метод торжествует, — пишет Савиньи, — когда удается привести в изучаемый объект простую и непосредственную интуицию (*Anschauung*), подобную интуиции того, что мы сами пережили».⁷¹ Здесь отчетливо видно, каким образом исторический «метод» вызывает личностное отождествление между познающим субъектом и «объектом». Исторический «объект» становится доступен субъекту, когда этот последний в достаточной степени подготовлен указанным способом «непосредственного интуитивного понимания». Здесь мы вновь видим признание значимости интуиции («живой» интуиции), сравнимой с той значимостью, которая придавалась ей в посткантианских концепциях научного знания. Рассмотрение Савиньи исторического метода связано с его рассуждениями о юридической герменевтике, т. е. о том способе, с помощью которого следует вчувствоваться, «реконструировать» смысл или, точнее, «скрытую в законе мысль» путем толкования, понимаемого как «свободная духовная деятельность».⁷²

Мысль Савиньи целиком занята обнаружением скрытых начал, которые обустроивают исторический мир, придают ему форму и смысл. Таков смысл герменевтики, в направлении которой произошел «филологический поворот», воспринятый немецкой мыслью рубежа XVIII и XIX столетий в форме глубокого и мощного движения. Это тот секрет Савиньи, который должен раскрыть комментатор.

⁷⁰ Что касается термина «формирование», то его нужно раскрывать через немецкий термин «*Bildung*», т. е. через культуру как оформление духа — этот термин очень часто встречался в дискуссиях культурной элиты той эпохи.

⁷¹ Savigny F. C. Über den Zweck dieser Zeitschrift.

⁷² Savigny F. C. System des heutigen Römischen Rechts. Т. 1. § 32–33.